

ВАДИМ ЛОБАНОВ

Л

О

Г



М
М

19Ф

2020

18+

Вадим Игоревич Лобанов

Логлифы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53625557

SelfPub; 2020

Аннотация

Как связано прошлое, настоящее и будущее? Нарратор расскажет об этом, поведав несколько интересных историй...

Содержание

«Двулоглиф о человеке в чёрном	5
Логлиф первый. Кончина человека в чёрном	5
Логлиф второй. Кончина чёрного человека	7
Трилоглиф о пяти королях	10
Логлиф первый. Четыре дурака и один король	10
Логлиф второй. Два короля и два дурака	15
Логлиф третий. Один король и ни одного дурака	17
«Квартоглиф о настоящем	19
Логлиф первый. Сидящий в яме под дождём	19
Логлиф второй. Взамен	25
Логлиф третий. Жди меня	28
Логлиф четвёртый. Булавки любви	33

Нарратор встал с кресла, поправил свой длинный сюртук и грациозно взмахнул рукой:

«Друзья! Прошу минуточку внимания! Не ищите здесь времени и места! Нет, нет, не ищите! Просто послушайте, что я вам расскажу. Мои рассказы называются логлифы. Они могут показаться вам самыми обычными, однако, не спешите судить о них так. Логлифы помогут вам увидеть важное, ведь в них живут прошлое, настоящее и будущее!»

Нарратор сделал паузу, затем глубоко вздохнул и начал повествование:

«Двулоглиф о человеке в чёрном»

Логлиф первый. Кончина человека в чёрном

Вот так вот всё и происходит... Жизнь, как ниточный клубок, в умелых руках какой-нибудь прялки. Оглянешься назад, и диву даёшься – была тонюсенькая ниточка, а теперь – вон оно как! Клубок, клубище! Назад хочешь распутать, да только нитка как тряпина ещё пуще запутывается, затягивается. Исповедь наружу рвётся, да только нету под рукою хоть маломальского священника, пустота кругом, тени бродят взад да вперёд и всё не в лад говорят так с ухмылкой. Что ж я тогда их слушал-то? Да только тени-то не все тут тени, те, что светлые – прям бальзам на душу, но не могут они в мою пустоту проникнуть, а те, что тёмные, так и лезут туда как черви, да всё выжирают плоть мою внутреннюю. И вот, ничего во мне не осталось боле. Пустота, что снаружи, что внутри, холодно... холодно! Эх, прялка, сотки мне варежки из моего клубочка, застыли ладошки. Не в терпёж продолжать... И сделал бы ещё столь же, да не хочу я так... Пополам меня рвёт – на два куска, на тёмный и светлый. Тёмный сильнее, он чернотой своей всё добрешнее из меня выпотра-

шивает, а суть-то моя другая, хороший я, хороший!!! Не хочу быть чёрным, да уж поздно рассуждать, крест мой серебряный и тот, как уголёк чёрен. Всею душою бы своей назад прыгнул, к истоку ниточки, чтоб схватиться за неё да не отпустить покуда руки держать могут, а я... эх я... Всё не как у людей. Значит нелюдь я. С того и прощаюсь».

Руки раскинулись в стороны, перпендикуляром их движению рухнул человек в чёрном, и так была закончена великая повесть и великая драма.

Человек в белом встал с пола, отряхнулся и с улыбкой нового рождённого прошествовал прочь из пустоты.

Логлиф второй. Кончина чёрного человека

Вне темноты мир, к сожалению, выглядел совершенно таким же, как и в темноте, человек в белом отчаялся. Чернь не исчезла. «Чернь не подвластна исчезновению, потому что чернь – это и есть исчезновение», – подумал человек в белом и огляделся вокруг себя.

Неподалеку он увидел белую скамейку с прилипшим к ней силуэтом хрупкой маленькой девочки. Немедля человек в белом бросился к этой скамейке, чувствуя всем нутром долгожданный запах спасения. Девочка на скамейке была очень грустна, в её глазах рисовались градины слёз. Человек в белом долго стоял напротив девочки и разглядывал её крохотное личико, в руках девочка держала большой клубок. Клубок прижал собой два маленьких кусочка ткани – это были варежки.

Взад и вперёд, то там, то здесь скользили тени, некоторые были белые, некоторые чёрные-чёрные, но все они создавали собой одну еле заметную и неразрывную систему, в которую не попадали только три человека – человек в белом, девочка на скамейке и священник, как оказалось, всё время стоявший за спиной маленькой девочки. Человек в белом улыбнулся. Глаза священника он как будто знал всю жизнь. Человек в белом всю жизнь ждал эти глаза.

Только сейчас девочка подняла свой взгляд на человека в белом и робко протянула ему варежки, от которых тянулась тоненькая ниточка, в конце своём превращавшаяся в большой клубок. Священник чуть развёл уголки рта:

«Возьми, как ты просил...»

В другой ладони девочка ютила тот самый клубок; священник улыбнулся ещё сильнее:

«Но ты можешь выбрать другое...»

Два половины схлестнулись внутри человека в белом, а сердце теперь всей своей сутью тянулось к той маленькой девочке. Её грустные глаза были прекрасны; ни грамма не стоили сейчас этих глаз спасительные варежки...

Человек в белом выбирал. Прошло немного времени, и он положил свою ладонь на большой клубок... Девочка расцвела в тот же миг... Её глаза засияли. Священник кивал головой. Человек в белом чувствовал внутри себя радость и спокойствие. Девочка смеялась, она встала со скамейки и обняла человека в белом. Ни секунды немедля, священник благословил их.

Прошло мгновение, и всё пространство вокруг человека в белом наполнилось нестерпимой гарью; клубы дыма рвались из груди человека в белом. Священник всё так же стоял у скамейки и кивал головой, как будто бессловно говоря: «Так и должно было быть».

Когда дым рассеялся, человек в белом уже вновь перекрасился в свой прежний чёрный цвет от копоти и гари. «Всё

кончилось...» – произнёс священник и, развернувшись, прошествовал в белые и чёрные тени.

Человек в чёрном глубоко вздохнул. Внутри он чувствовал белого человека. От черни не осталось и следа, а девочка-прялка сжимала в руке почерневший клубок, от которого тянулась обгоревшая ниточка... Человек в чёрном наклонился к девочке. Девочка медленно подняла голову и робко улыбнулась. Человек в чёрном помог ей подняться. Вскоре человек в чёрном надел варежки, и ему стало тепло, как когда-то прежде... И так была зачата новая великая повесть и новая великая драма...»

Нарратор улыбнулся, окончив двулоглиф, выдержал небольшую паузу, словно подготавливая слушателя к новому повествованию, и продолжил:

«Я поведал вам двулоглиф о вечном. Так будет всегда и выбор человека будет только его выбором, доколе он не преступит положенное. Следующие логлифы будут о прошлом.

Трилоглиф о пяти королях

Логлиф первый. Четыре дурака и один король

Жили-были пять королевей. Власть, деньги, удовольствия – всё было у самодовольных правителей. Поестъ захотят – пожалуйста! Стоит лишь крикнуть слуг и открыть рот, чтобы еда туда сама заползала. Брильянтов захотят – щёлкнут пальцем, и к их ногам уже сыплются сверкающие камушки. А захотят вдруг на войну сходить – попугать соседей грозными речами, чтоб слово народное было на стороне этих «великих полководцев» – так нет ничего проще, нужно только между собой договориться, кто на кого нападать будет, кто победит и с кем победу после сражения праздновать.

Богемная жизнь! Так и жили они по принципу – ничего не делай и всё равно оставайся королём...

Пять маленьких королевств были расположены так близко друг от друга, что сходить в соседние владения в гости королям можно было раз пять за день. Чем, впрочем, они и занимались, чтобы богемная жизнь не казалась слишком скучной! Меланхолией короли не страдали, но то обилие материального, что крутилось вокруг них, то и дело указывали

к ней путь.

Вот в такие-то минуты короли и любили собраться вместе, погулять по своим владениям или посидеть за круглым столом в чьих-нибудь апартаментах. Во время встреч пять лысых толстяков с упоением рассказывали друг другу, что они кушали, пили, узнавали за прошедшие дни, с какими ещё королевствами дружили и сколько прочитали толстых книг и рукописей. После небольшой трапезы, или на привале, если гуляли, они употребляли крепкие вина. Это занятие так увлекало королей, что спустя час или два после окончания трапезы, все пятеро уподоблялись обезьянам или, скорее, свиньям и даже смеялись как-то по-пороссячи, прихрюкивая.

Спустя ещё час пять совсем захмелевших толстяков, уже успевших изрядно извалиться в грязи или разбить несколько хрустальных сосудов, при этом сломав ни один деревянный стул, начинали с нескрываемым удовольствием высмеивать друг друга. Подобное действие всегда заканчивалось мордобоем и сильной головной болью на следующее утро. Но любимцы своей бестолковой судьбы не чурались этих последствий, и через неделю всё опять повторялось как под копирку.

Каждый король во время этих встреч старался превознестись над другими и получить над ними власть по принципу – четыре дурака и только один король!

Шло время. Скука и удручённость терзали толстяков-ко-

ролей. Власть в своём королевстве с каждым годом представляла всё меньше интереса для самовлюблённых гордецов. А поскольку хозяйство пяти королевств буквально превратилось в одно целое, то и борьба за единоличное управление им потихоньку нарастала. Открыто короли ещё побаивались высказывать свои неоспоримые притязания на трон пяти королевств, но наедине постоянно сплетничали и ссорили между собой друг друга. И кутили, часто и помногу, превращаясь в животных, желавших лишь одного – набить другому морду и изваляться в грязи... Ах, да, конечно, и самое главное – стать единственным королём среди дураков...

Кутежи становились не просто их образом жизни, а способом решения вопроса престола. Так кто же станет самым главным?

Та малая часть чего-то человеческого, гуманного, бескорыстного и доброго, что оставалась в королях не имела в их жизни, по сути, никого значения. Она исчезала безвозвратно. На уступки другому не шёл никто, а одна из посиделок на природе даже закончилось настоящим побоищем, и большим счастьем был тот факт, что все остались живы, отделавшись лишь лёгкими травмами.

После этого происшествия короли зареклись не предаваться кутежам. Однако, этот обет не мог продлиться долго и был нарушен уже на следующей неделе... И снова груды бутылок, и снова каждый молча ненавидит другого, и каждый спорит, не считаясь с чужим мнением, и каждый тянет одея-

ло на себя. И снова мордобой, куда страшнее, чем в прошлый раз... Животные... Найдётся ли среди них хотя бы один человек?

Во время следующей встречи на природе, возможно, устав от постоянного однообразия и осознав бессмысленность споров и ссор, один из королей просто-напросто перестал уподобляться остальной четвёрке. Теперь он молча сидел на своём месте и следил за этим сбродом орущих обезьян, попутно во всём соглашаясь с мнением своих соседей.

И знаете, сколько удовольствия он испытал за эти несколько встреч, наблюдая, буквально, за своими отражениями! Он смеялся и был по-детски счастлив тому, что перестал быть одним из них.

Сбой механизма внутри «королевской компании» стал заметен сразу, тем более, что тот внезапно замолчавший король раньше был самым упрямым и громким. Четвёрка не могла этого игнорировать и смотреть сквозь пальцы на их притихшего товарища. Все как один видели они что-то большее в этом факте – «он не как мы, значит он лучше нас?» Так продолжалось не долго. Четверка дураков решила, что их приятель нашёл иной выход, другой путь к престолу – возможно, более разумный. Дураки решили проучить короля. Во время одной из встреч четвёрка сговорившись набросилась на него. Чудом вырвавшись из объятий своих «пьяных товарищей», король убежал. И больше его никто не видел никогда не видел.

Товарища забыли, а его королевство разделили между собой...

Логлиф второй. Два короля и два дурака

Прошёл год. Четвёрка осиротевших королей поделилась на две части. Первые два короля, едва спровадив прочь своего товарища, всей душой и телом налегли на продукцию местных и неместных виноделен; другая же часть королевской четвёрки, мягко говоря, остепенилась. Они не вылезали целыми днями из своих нор, как отшельники, как пойманные на крючок совести черви, без толку болтались в прострации опочивален, точно связанные по рукам и ногам... На этих двоих было больно смотреть, и в общем-то после побега 5-ого короля их никто так и не видел. А внутри этих королей таился отныне страх, страх за свою жалкую шкуру; и наплевать им стало на превосходство, если таковое даётся ценой своей жизни.

К кутежам оба охладели... В их руках теперь были нудные книжки и головоломки, бутылочки со вложенными внутрь корабликами и прочая мелочь, требующая усердия и работы...

Те двое, которые составили первую половинку, скрепились тесными узами хмельной дружбы, и дружба эта была до определённой степени искренна... Пока не заканчивался провиант... Короли превратились в бесполезных, ничтожных существ, готовых на любой шаг ради порции вина...

Вот так однажды, прокутив всю казну королевств, они решили напасть на своих остепенившихся соседей. И что же? Собрали армию, одну на двоих; пушки, ядра с порохом, конницы – всё, что было на складах да в закромах. Собрали и двинули.

Протрубили горны. Стены осаждаемых королевств задрожали под натиском захватчиков. Огонь, дым, ядра и стрелы... Оборона не выдерживала натиска...

«Что же вы делаете? Глупцы! Остановитесь, – кричали с верхотур своих башен в один голос отшельники-короли, – ничего святого в вас не осталось! Нас убьёте и себя погубите!!!»

Рухнули в тот миг обе башни под натиском артиллерии. Армия завоевателей вытирала ноги о последние остатки обороны врага...

Обрадовались своему успеху победители, выскочили из своих укрытий и двинули, пошатываясь, прямо туда, к рухнувшим башням, поглазеть на завоёванное богатство.

Отовсюду летели стрелы, пронзая тела беззащитных пеших вояк, кругом рвались ядра, калеча молодых солдатиков. Дошагали два короля до обитателей их врагов, зашли в них и вдруг раздался взрыв! Рядом с ними упало пушечное ядро... Дым поднимался среди четырёх недвижимых тел, рядом беспечно валялись бутылки с пролившимся вином... И только птицы в небе летали и кричали со скорбью над телами... Двух дураков и двух королей...

Логлиф третий. Один король и ни одного дурака

Взгляд невысокого толстопуза, сидящего на неказистом деревянном троне был наполнен грустью и самоотречением. Толстяк наблюдал за восходом солнца из своей гостиной комнаты в замке. В комнате суетились придворные помощники, а внизу у стен замка на дворцовой площади люди громко выкрикивали лозунги в честь вернувшегося короля, на столе стояла тарелка с пресным печеньем и бокал... с вишневым соком.

Это был тот самый король, который однажды убежал прочь от четырёх заблудших товарищей. Много лет он провёл в обычной деревне, среди обычных людей, тех, кем когда-то правил, кого считал прислугой и рабами.

Король изменился, он увидел свой народ изнутри, породнился с ним, научился от него многому. Когда пришли вести о войне и о случившемся с четырьмя королями, он решил вернуться на трон. Но решил так не сам. Так попросил его народ, все жители пяти осиротевших королевств. Король послушался их и объединив вместе все земли, стал ими править. Жизнь в объединённом королевстве изменилась. Из казны были отданы деньги беднякам, простолюдины получили то, в чём нуждались, а вся знать и свита теперь наоборот вынуждены были работать много, чтобы обеспечить

свою жизнь. В королевстве запретили виноделие и азартные игры. А книжное дело и науки стали развиваться, с каждым годом достигая новых высот.

Четыре короля, настигнутые снарядом на поле брани, уцелели, но не могли вернуть своего здоровья, и людям их королевств пришлось прогнать толстяков прочь и никогда больше не допускать к трону.

Так началась новая жизнь в объединённом королевстве!»

Нарратор блаженно улыбнулся. Наступила пауза. Глаза рассказчика наполнились глубоким чувством, голос зазвучал чуть взволнованнее, чем раньше:

«Квартоглиф о настоящем

Логлиф первый. Сидящий в яме под дождём

На улице шёл дождь. Кругом разлились лужи. Кругом была грязь и слякоть. Такая погода, серая и скучная, часто заставляет думать, просто думать о чём-нибудь. Чаще о грустном. Мальчик, которого звали Антон, любил думать. Как раз о грустном. Его взгляд напоминал глубокую серую яму, из которой кто-то упорно не хотел вылезать наружу. И этот взгляд порой мог уловить неприметное за одно мгновение. Вот так легко и просто, наблюдая в окошке дождь, мальчик разглядел на улице одинокую девочку.

Девочка была очень красива. Она манила за собой. Антон не заметил, как выскочил из дома, натянув на себя уличную одежду и взяв зонтик.

Дорога, по которой шла девочка, вела к старому заброшенному заводу, где когда-то работали родители Антона. Мальчик знал эту дорогу наизусть. Девочка шла очень медленно, но грациозно, маленьким зонтиком укрываясь от, казалось, совсем её не тревожившего дождя. Антон поспешил следом за ней. Он прошёл совсем немного и... Всмотрев-

шпись внимательней вдаль, сквозь струи небесной воды, не увидел ровным счётом ничего. Силуэт исчез!

«Как же так, – подумал Антон, – ведь только что я её видел... Может быть, мне показалось?» Мальчик огляделся вокруг – он прошагал вслед за видением целый квартал! И вдруг силуэт, как вспорхнувший голубь из рукава фокусника, вновь появился вдали... «Она!» – Антон ускорил шаг.

Дождь продолжал, не успокаиваясь, лишь иногда то ускоряя, то замедляя ход. Ему помогал ветер, который порывами расшвыривал падавшие с неба капли.

Мальчик совсем неожиданно для самого себя решил догнать девочку и заговорить с ней.

Антон всегда был застенчив. Болезненная робость с детства мешала ему в общении. Вот и сейчас, вслед за смелой мыслью, мальчик проникся привычным чувством.

«А вдруг я ей не понравлюсь», – подумал Антон, и чуть было не повернул назад. Сколько в его маленькой жизни он упустил из-за своего неловкого характера. «Нет!» – едва ли не первый раз в жизни мальчик действительно взял себя в руки. Он совершенно не узнавал себя в эту минуту. Страх и робость как ветром сдуло. Внутри всё резко раскачалось в другую сторону, и теперь в Антохе не осталось ничего от того, что заставило бы его повернуть. «Подожди!» – Антоха окликнул девочку.

Девочка остановилась и обернулась. Антоха подбежал поближе: «Тебя, кажется, Катя зовут?» Маленькая пауза, воз-

никшая после неожиданного вопроса, только сильнее ободрила мальчика, и он с лёгкой улыбкой добавил, – «Я тебя знаю». Внутри Антоха чувствовал, что совершенно теряет себя. Нет, он не терялся, не робел, совсем наоборот. Он терял свою робость, становился таким, каким никогда не был, но таким себе он очень нравился. Ответ, который последовал от незнакомки, был ещё более неожиданный для мальчика, чем собственный вопрос, – «И я тебя знаю! Тебя зовут Антон...» Мальчик смутился:

– Да...

Девочка покраснела и исподлобья взглянула на мальчика:

– Я думала, что тебе не понравлюсь...

Антоха широко искренне заулыбался:

– Ну что ты! Скажи... Так я угадал твое имя?

– Да. Я – Катя.

Дождь начал стихать.

Антоха совсем без смущения посмотрел в глаза Кате и тут за спиной мальчика раздался, как гром среди ясного неба, знакомый голос:

– Здравствуй, Антон. Что это ты тут сам с собой разговариваешь?

Мальчик оглянулся – соседка тетя Зина шла, очевидно, той же дорогой:

– Здравствуйте... Я... – сейчас Антон абсолютно ничего не понимал, очнувшись будто от глубокого сна и пытаясь уловить грань настоящего и иллюзорного.

– Как мамка поживает, что ко мне давно не заходила?

– Всё нормально... Не знаю... – по инерции, пытаюсь не взволновать своей растерянностью, отвечал мальчик.

– Что ж ты тут один под дождём-то мокнешь, иди домой, Антошка, – вдогонку, проходя, крикнула тетя Зина.

Мальчик встряхнул головой, точно поправляя головной механизм, отвечающий за соображение и память.

– А кто это был? – прозвучавший голос девочки вернул всё на свои места.

– Это тетя Зина, наша соседка, – Антон медленно приходил в себя, ещё чуть ощущая потерянность и пугавшее забытьё, – знаешь, что-то у меня голова кружится, давай где-нибудь посидим?

– Давай, я знаю за следующим домом лавочку. Пойдём туда?

– Хорошо, пойдём.

Дождь сходил на нет, лишь его редкие маленькие капли всё ещё заявляли миру о себе. Дойдя до лавки, ребята смахнули с неё небесную воду и присели.

– Скажи, откуда ты про меня знаешь? – Антоха посмотрел на Катю.

– Мне не ловко говорить... – девочка смущенно ссутулилась и немного покраснела, – Я следила за тобой... И часто проходила мимо твоего дома, но ты меня не замечал.

– Что? Тебя? Да как же я мог тебя не заметить? Я бы сразу познакомился с тобой! – Антоха негодовал, он не мог пове-

ритель, что Катя говорит правду.

– А ещё, ты любишь говорить сам с собой... – как-то неожиданно произнесла девочка и добавила, – я тоже люблю...

– Ну, нет! Ты чего-то напутала! Я люблю с друзьями говорить... – и хотя это было не совсем так, в ту минуту, как казалось Антохе, он ничуть не лукавил.

– А много у тебя друзей?

– Море! – мальчик с радостью воскликнул, будучи совершенно убеждён, что лишь это слово подходит, чтобы сообщить о количестве его друзей.

– Зачем же ты тогда со мной решил познакомиться, ведь я такая неинтересная!?

– Совсем это и не так! – возмутился Антоха и в этот миг дождь совершенно прекратил.

– Ты такой весёлый и интересный! – девочка произнесла эти слова, а солнце хлынуло с небес, в клочья разрывая серые тучи своими пронзительными лучами.

– Я всегда такой!! Люблю веселиться...

– А я так не умею...

– Ведь ты ж девчонка, глупая! Вы все такие! Хочешь, я про вас анекдот расскажу... Слушай...

Гром ударил в свои невидимые барабаны, грозовые тучи, не желая быть побеждёнными солнцем, втридорога сильнее снизошли дождём, всё вокруг потемнело:

«Антошенька, миленький! Что с тобой!?! – Антон замол-

чал и увидел врезавшиеся в него большие мамкины глаза, полные слёз, – Антоша, что с тобой? Почему ты здесь сидишь один и сам с собой разговариваешь? Что опять с тобой случилось?»

Антон молчал, его голова гудела; всё вокруг казалось мальчику чем-то «слишком настоящим» и тем сильно пугало...

«Миленький мой! Мне тетя Зина сказала, что ты ходишь один по улице и говоришь сам с собой... Антошенька, – мать сжала ребёнка в крепкие объятия, – пойдём, сыночек, домой. Холодно на улице. Пойдём скорее. Антошенька мой миленький...»

Через час дождь закончился. Думать расхотелось. Дома Антону жутко захотелось спать. Страшно болела голова и, как всегда, ничего не хотелось делать... Молчать, только молчать... и снова ждать так любимого мальчиком дождя, под который можно о многом подумать...

На следующий день мама отвела Антона на приём к психотерапевту, и опытный врач обнаружил у мальчика симптомы начавшегося расстройства. Врач сказал, что Антону следует срочно лечь на обследование.

На улице шёл дождь. Антон, как всегда, задумчиво смотрел в окно. Мальчик уже ничего не помнил, он лишь снова о чём-то думал. Наверное, о грустном. Один он знает это. А может быть, это знает кто-то, кто сидит в глубокой яме и не хочет вылезать наружу. А может, это знает дождь...

Логлиф второй. Взамен

Солнце с неба жарило дьявольскими лучами так, что кровь, минуту назад хлеставшая из раны, в момент превращалась в запёкшийся багряный рисунок. Колькина рана была смертельна. Он безнадежно обмяк, приоткрыв рот и закатив глаза... Друг тащил его тело на себе по песку, обрывкам «спецовок», и наших, и душманских одежд, по фрагментам человеческих тел, по груде стрелянных гильз и обломкам техники. Кругом падали свои ребята, всплеском то тут, то там взлетал вверх песок с языками пламени изнутри – всё кругом было в апофеозе войны. А парень тащил своего раненого друга, и ему было сейчас глубоко наплевать, что творится вокруг. Он думал лишь об одном – как дотянуть до врачей; казалось, было уже поздно... Колька не дышал. На полпути до санитарной палатки парень встал, скинул тяжеленный «броник» и отшвырнул в сторону автомат; собрался с последними силами и, взвалив тело на плечи, ломаной трусцой побежал оставшийся путь.

Вечер. Колька сидел на большом камне у палатки и смотрел вдаль. Глаза были полны горечи, в них не было слёз... Сердце, казалось, перестало чувствовать... Внутри обитала пустота и ничего больше. Раненого товарища увезли в госпиталь. Но шансов на спасение, как сказали врачи, у него почти нет.

Потеря дорогого друга оказалась намного тяжелее, чем мог себе представить этот совсем юный солдат. Сегодня Колька сломался. К нему подходили ребята, но парень им ничего не отвечал. Он так и просидел всю ночь на камне, глядя вдаль и вспоминая что-то.

Два Кольки – два неразлучных друга, они встретились здесь, в Афганистане. Один – заводной рубаха-парень, другой молчаливый скромняга. Они легко нашли общий язык; всегда стояли горой друг за друга. И вот судьба разделила их. Того, молчаливого Кольки, возможно, уже больше нет... Там на гражданке, в Серпухове у него осталась мама, любимая девушка, дом и любимое дело.

Коля помнил всё, что рассказывал ему друг. Они часто говорили вечерами о том, что обязательно рванут после приказа домой в Серпухов и погуляют там недельки две. Часто в последнее время Колька говорил, или ронял как бы случайно фразы о том, что, если с ним что-то случится, другу Кольке обязательно нужно будет поехать к его семье.

Второй Коля, тот, который был рубаха-парень, никогда не имел своей семьи, не имел крыши над головой – он был детдомовский, так получилось, что после детдома сразу уехал служить в армию, а оттуда в «горячий» Афганистан. Он всегда немного завидовал другу, но не со злобой, по-товарищески завидовал и вместе с этим радовался за то, что его другу не выпала такая судьба как у него.

Приказ вышел вскоре. Бойцы отправились домой. Коля

решил ехать к семье друга в Серпухов, а больше ему и некуда было ехать... Семья друга накануне узнала о судьбе сына. Коля остался жив, но, возможно, теперь ему всю жизнь придётся скитаться по госпиталям. Колька приехал к семье, в которой было разрушено многое... Он благодарил Всевышнего за то, что его друг остался жив, а семья благодарила его за то, что он спас их сына...

Прошло полгода после тех событий, семья друга приютила бездомного солдатика, он стал для всех как родным... А ещё через год Колька познакомился с сестрой девушки друга и сделал ей предложение. Она согласилась... Счастье пришло и на его улицу.

Он спас жизнь человека. Взамен он получил то, о чём всегда мечтал – свою семью...

Логлиф третий. Жди меня

Парень, оглядываясь по сторонам, щупал руками твердь вокруг себя. Он сидел на холодном осеннем дёрне, присыпанном увядающей листвой, сзади на спину, точно хмельной приятель, оперлась трухлявая берёза, в три метра ростом, в своём окончании имевшая почерневший слом. Рядом валялась перевёрнутая корзина, из неё вывалилась дюжина большущих грибов: подберёзовиков и красноголовиков. «Где я?» – парень потёр рукавом гудящую голову, прикосновение доставило ужасную боль; с неба хлынуло солнце. Лес наполнился золотом, листва у ног заиграла... Парень сощурил глаза от яркого внезапно высунувшегося небесного светила. Тело было настолько немошно, что попытка подняться на ноги возымела прямо противоположный эффект – парень рухнул на землю и потерял сознание.

Галина опустилась на колени и склонилась над молодым телом. Грудь юноши медленно подымалась и опускалась – он был жив, но синеватый оттенок лица и рук очень пугал женщину. Она лёгкими ударами ладони сотрясла его голову. Что-то бормоча под нос, Галина вытащила из широкого кармана своей ветровки маленький термос и подложила его под голову парня. Потом ещё раз сотрясла её ладонью.

Парень открыл глаза. На стенах маленькой комнаты сразу бросались в глаза яркие репродукции работ известных ху-

дожников. Они придавали небогатому убранству неплохой вид. В комнате было очень тихо, даже часы, стоявшие на маленьком совковом комоде, боялись нарушать её, их тиканье соблюдало и придавало ей ещё более размеренный и степенный характер. Рядом с часами стояла в рамке, пересечённой чёрной ленточкой неброская чёрно-белая фотография мужчины. Парень оглядел комнату, ещё раз бросил взгляд на стены и комод, и сосредоточил внимание на своём теле – оно казалось ему каким-то чужим, как будто он не знал, что с ним делать. Боль чувствовалась в голове и ногах, но не такая значительная, чтобы доставлять нестерпимые муки. Заскрипела входная дверь. Нарушенная тишина ответила гулкой суровостью и, как показалось, не громким эхом. Силуэт женщины парень, лежавший на низкой, кровати увидел периферийным зрением и сразу перевёл взгляд в его сторону.

Галина несла на подносе какие-то лекарства, две тарелочки и стакан с чаем. Заметив оживший взгляд парня, Галя робко улыбнулась.

Картина происходящего была такой же непонятной для юноши, как и ощущение от своего тела. Женщина поставила поднос на стол и, с трепетом матери поглядывая на лежавшего, измокала бинт в жидкости из самого маленького блюдца. Голова парня качнулась в сторону Галины.

«Лежи, лежи, отдыхай...» – хозяйка оборвала движение гостя. Через час юноша был весь исключаен марлевыми примочками в местах сильных ссадин и синяков.

За всё это время юноша произнёс лишь две фразы, точнее два вопроса – «Кто я?» и «Где я?». Слова сжевывались, и Галина слышала вместо них только непонятное мычание.

Парень уснул.

Следующий день не принёс сколь-нибудь серьёзных изменений в состоянии юноши. Галя весь день меняла марлевые примочки, и ещё иногда рассказывала что-то о своей жизни.

Наступил следующий день. Юноша окреп. Он уже гораздо яснее произносил слова, сообщал, когда чего-то хотел. Но тело по-прежнему было непослушно, Галя кормила парня с ложечки, точно своё родное дитя.

Юноша мог шевелить руками и ногами, но движения были настолько хаотичны и неуверенны, что создавалось впечатление, что он действительно маленький ребёнок и только начинает входить в жизнь.

Пришёл следующий день. За ним следующий. Время тянулось очень медленно. Галина ухаживала за гостем, залечивала его раны, а вместе с тем и подымала на ноги. Самая главная сложность в исцелении юноши была в том, что он полностью потерял память. Он не помнил ничего. Галине временами приходилось очень и очень трудно, но женщина даже не пыталась отказаться от помощи этому бедняге, хотя возможность такая заключалась в обыкновенном телефонном звонке в милицию или районную скорую помощь.

Тот трепет, с которым женщина выхаживала паренька являлся совсем не обычной человеческой помощью, а самой

настоящей человеческой любовью! Это обстоятельство, конечно же, являлось веской причиной.

Прошло два месяца. Парень встал на ноги. Самостоятельно передвигался. Слова, им произносимые, становились яснее и увереннее. Галя, женщина сорока с лишним лет, была по уши, как девчонка, влюблена в этого двадцатипятилетнего юношу. Он стал помогать Гале по хозяйству, работа лишь укрепляла молодой организм после перенесённой травмы. Вечерами Галя с юношей часто разговаривали за просмотром телевизора.

Всё случилось неожиданно; после ужина Галя осталась в комнате парня смотреть телевизор. Они сидели рядом на кровати, их лица были так близки и откровенны друг перед другом, что последствий уже нельзя было избежать. Страсть охватила обоих. Галя осталась ночевать в его постели.

Пролетел ещё месяц. Память юноши до того рокового дня, когда Галя нашла его, была навзничь перечёркнута. А эта новая жизнь его устраивала, и более сказать, по-другому он уже и не представлял свою жизнь. Они любили друг друга.

Прошло ещё полгода.

И на этот раз всё случилось неожиданно... После ужина Галя с юношей, которого она теперь называла Сашей, смотрели телевизор. Шла популярная передача «Жди меня». Галя и подумать не могла, что после её просмотра случится то, чего, может быть, она ожидала и так боялась все эти месяцы – выбора. Да. В экране телевизора высветилась Саши-

на фотография, под ней была подпись – Константин Юрьевич Молчанов. Затем на экране высветилась молодая девушка. Её глаза были полны слёз; глаза Галины тоже. Женщина взглянула на своего Сашу. Его лицо выражало недоумение. Но девушка в телевизоре была совершенна ему не знакома и чужда... Он молчал. Вот и настал миг выбора. Галина не могла себе позволить закрыть глаза на чужое горе, но и своё обрётённое счастье было так прекрасно! Женщина записала телефон передачи, прижалась к Саше и глубоко вздохнула. Тела вновь были близки, но она уже не хотела близости. Неправильность сего угнетала сильнее, чем желание быть единым тянуло к юноше.

На следующий день Галя сходила в районный почтамт и по «межгороду» позвонила в редакцию передачи «Жди меня»...

Логлиф четвёртый. Булавки любви

Саша с детства любил булавки, обожал их пристёгивать к своей одежде. Он их коллекционировал. В коллекции мальчика скопилось множество таких металлических иголочек – маленьких и больших, старых с ржавчиной и новых блестящих. Все новые булавки, которые мать приносила для домашних дел, немедля превращались в украшения на одежде. Саша с детства любил булавки.

Ещё он любил свою мать, женщину с хрипловатым осипшим от табачных смол голосом и вечно взъерошенными коричневатыми волосами.

Лицо матери Саша запомнил увядшим и покосившимся, с добрыми, но вечно пьяными глазами. Они всегда смотрели на мальчика с неисчерпаемой болью и плачем о прощении; Саша прощал, всё самое гнусное и нехорошее, все те стеклянные бутылки, которые подчас толпами собирались в углах кухни, прощал даже тогда, когда мать под вечер приводила в дом дюжину пьяных мужиков, запиралась с ними в своей комнате, а утром, спровадив голь, вытирала лицо с ссадинами и синяками у рта и глаз и просила у Саши прощения... Саша помнил, как однажды в квартиру постучал сосед и сказал, что его мамка куда-то уехала. С тех пор мальчик её больше не видел. Он так и запомнил её сорокалетнее съёжившееся лицо с добрыми и грустными глазами.

В детдоме мальчик тоже собирал булавки. Сашке очень нравилось их отбирать у девочек, он пристёгивал их к своим штанам и гордился каждым новым сувениром.

Первая «любовь по-взрослому» у мальчика случилась в 15 лет, когда он уже давным-давно являлся завсегдатаем детдома. Девочку звали Юля. Она, как и любая другая девчонка, обожала талисманчики, мягкие игрушки и всё такое прочее. Был у неё один любимый талисман, который Юля всегда носила с собой. Он пристегивался на большую булавку к юбочке. Сашка сорвал с Юли этот талисман, но не забрал его, а взял лишь булавку и гордо пристегнул её к своим штанам. Так началась эпопея ловеласа. К 18 годам у Саши скопилось множество булавок!

Армия разлучила мальчика с детдомом, с друзьями и подругами. На службе парню пришлось расстаться со своей шикарной булавочной амуницией, но он перед самым отъездом умело припрятал свои булавки в том самом доме, где когда-то жил со своей матерью. Мамку Сашка не забывал никогда. Любовь к ней пронеслась через всю его сознательную жизнь.

Два года пролетели, как и у всех – не долго, не скоро, по-армейски... Вернувшись, первым делом Сашка отправился в ставший родным детдом. Его приезду несказанно рады были все: от воспитателей до малышни, которая лишь по слухам знала этого легендарного парня. А после Саша пошёл в отеческий дом; посетил соседей, знавших его и... достал свои

булавки – ордена за победы на любовном фронте...

В свои 23 года парень из беззаботного Сашки вдруг превратился в солидного Александра Николаевича, помощника директора в одной маленькой компании. Помог случай, везение и огромное обаяние, которого Саньку было не занимать. Свои булавки любви Александр Николаевич верно хранил у себя под полой пиджака на тонкой ткани. За прошедшее время после службы металлических трофеев накопилась в два раза больше; конечно, все булавки, как истинный коллекционер, парень хранил у себя, но так как весь этот металлолом таскать с собой было не удобно, Саша решил каждый десяток маленьких булавок заменять на одну большую. Получилось неплохо, и под полой рабочего пиджака теперь они умещались куда компактнее.

Холостая жизнь начала заедать. Воспоминания о матери, часто нахлынув, не могли не тревожить молодого человека, всё чаще Саша вспоминал одну и ту же её фразу: «...знаешь, чего я хочу; того, чтобы ты жил не так как я, чтоб нашёл себе хорошую жену и жили вы с ней долго и счастливо...» Мальчик, конечно, всегда говорил матери, что исполнит её просьбу. Что ж, нашлась для Сашки жена. Появилась своя квартира. Всё как у людей. На работе дела шли всё лучше и лучше, а про булавки Сашка было и забывать начал – семейная жизнь к ним не располагала... Жена часто спрашивала об этих безделушках, он отшучивался... И так медленно поплыло время.

Сашу что-то очень сковывало и тревожило, внутри себя, может быть, из-за устоявшихся привычек прошлого, а может из-за скуки, он ощущал дискомфорт и нежелание продолжать свою жизнь такой, какая она есть. А когда речь в семье зашла о том, чтобы завести ребенка, Сашка совсем растерялся. Часто прибегая к помощи алкоголя и своих бесшабашных друзей, он начал медленно отдаляться от своей семьи. Всё чаще возвращался домой поздно вечером, пьяный, а то и вообще не приходил ночевать... Жена терпела. Её любовь к этому человеку была сильнее личных желаний и амбиций. И Саша терпел... Терпел свою жену, свою нелюбовь к ней. За время в семейных узах, Сашка лишь сильнее уверился в том, что из всех людей на этом свете, он любил только свою мать, и кого-то полюбить сильнее парень просто уже не сможет.

Так или иначе, удар подкрался неожиданно – жена сообщила, что она беременна. Булавки прибавлялись быстро, каждые 2-3 месяца новый десяток «малышей» материализовывался в одну «толстушку». Этот процесс не мог протечь мимо внимания супруги.

Однажды, когда муж снова поздно пришёл домой нетрезвым, и лёг спать, она, воспользовавшись беспомощностью супруга, обыскала его с ног до головы. И хотя, в общем, ничего компрометирующего жена не нашла, были замечены эти самые злосчастные булавки под поллой пиджака. Их было 11 штук: 7 больших и 4 маленьких... Утром на расспросы жены Саша невнятно отшучивался. Однако, женщины каким-то

непостижимым образом тонко чувствуют именно в этих самых мелочах подвох... Она запомнила количество булавок. Тем же утром Сашка приколол под полу пиджака очередной «орден» в знак вчерашней победы.

Спустя неделю, Саша опять вернулся домой поздним вечером не трезвым. Тем временем проникательная супруга, оставив в сторону швабры и скалки, вновь обыскала задремавшее прямо на полу коридора тело мужа.

Обнаруженный компромат, маленький дамский платок, пахнувший женскими духами, был неопровержим. Супруга заглянула под полу пиджака – булавок было 13 штук. Последнюю «малышку» Сашка успел приколоть тем же вечером. Жена всё поняла. Булавка была тождественна завоёванной женщине. Осознание повергло её в истерику и злобу... Утром Саша не обнаружил под полой пиджака своих орден, ни одного! А ещё он не обнаружил своей жены с годовалым ребенком.

Записка, уныло и откровенно лежавшая на тумбочке в прихожей, ударила резко и больно. В ней содержался набор фраз: «Я ухожу от тебя. Подаю на развод. Ребёнка забрала с собой. Меня не ищи. Извини, я устала от тебя. Юля».

Александр поник головой. В этот день он не пошёл на работу; весь день он провёл в одиночестве. Он вспоминал мать, вспоминал её слова, её мечту и своё обещание.

Жена не появлялась и не звонила. Сашка нашёл её, извинился и попросил вернуться... Юля отказала.

Через 3 дня Саша уволился с работы. А ещё через 5 дней, возвращаясь из бара на ночлег к своему приятелю, он попал под машину. Травма оказалась тяжёлой. Машина, сбившая парня, по удивительному стечению обстоятельств перевозила бытовые и канцелярские товары, среди которых были 3 коробки булавок.

Саша не мог ходить... Юля, узнав о случившемся, стала навещать беднягу в больнице. Шли дни, недели, месяцы. Жена не отходила от Саши ни на шаг, и он теперь видел в супруге своего единственного спасителя. Ссоры остались в прошлом. После госпиталя он вернулся к жене и ребёнку. Он много думал и вспоминал мать, её просьбу. Саша сорвал свой подклад с булавками и выкинул его в окно. Жизнь успокоилась, наладилась, и Александр почувствовал неопишуемое желание жить – он любил свою жену и ребенка.

А спустя год Саша встал на ноги и уже не вспоминал свои любовные булавки...»

На этом нарратор закончил повествование. Пространство наполнилось ожиданием. Тишина медленно окутывала невидимых слушателей и рассказчика. Казалось, у этого повествования не хватало чего-то ещё. Не хватало итога, логического завершения. Нарратор откинул полы сюртука и присел в кресло:

«Я говорил вам о будущем, помните? Вы спросите меня – где же оно? И я отвечу вам – будущее там, где человек становится человеком, из чёрного превращается в белое, из тём-

ного в светлое. Из пяти королей лишь один смог стать настоящим королём, он преобразился, превратил себя в достойного, прошёл испытание. А другие – не смогли. Не смогли в одной жизни, значит придётся повторить в другой. Кто же эти герои из моих четырёх логлифов о настоящем? И я отвечу вам – это воплощённые в настоящем четыре короля! Им было ниспослано вновь пройти экзамен. В новых вариациях жизненных форм и обстоятельств доказать своё право быть человеком, превратиться из тёмного в светлое. Для кого-то экзамен был проще, для кого-то сложнее. Все они справились, кто ценой целой жизни, пребывая в бесконечном страдании, а кто ценой одного верного шага, который перевернул всё вожаделенное в небытие, но оставил главное... И так каждый из них проник в будущее. Чтобы стать королём. Настоящим королём. И прийти к нам в новых образах из логлифов о будущем. Но о них я поведаю вам в следующий раз...»

На этих словах нарратор как и прежде грациозно взмахнул рукой и растворился.